

Соль
зели

Соль
зели

Константин
ПАУСТОВСКИЙ

СОЛЬ ЗЕМЛИ *

О ч е р к

**РАССКАЗ НА ПРОТЯЖЕНИИ
ЧЕТЫРЕХСОТ КИЛОМЕТРОВ**

**Историю о том, как профессору
Преображенскому надоело откры-
вать богатства, я услышал в поез-
де между Котельничем и Вяткой.**

* Печатается в сокращении.

Кончался октябрь. Низкое солнце освещало глухие просеки. Небо над ними простиравлось подобно бледным рекам. Настоящие же реки казались черными от холода.

Солнечный свет отливал ржавчиной, как осиновая листва. Мокнатые безрогие коровы гремели колоколами в поредевших чащах. Вместо черноземных деревень, вросших в землю, среди полян подымались погосты, рубленные из корабельной сосны. Мы углублялись на север.

Под Вяткой в поезд влезла бригада кондукторов — кряжистых карликов с круглыми русыми бородами и лесными зелеными глазами. Они окали и бегали по вагонам тяжело и мягко, как медведи. Хвоя лилась за окнами темной рекой. Гудок пропадал в лесах. Казалось, паровоз кричал, боясь заблудиться.

В этих лесных пустошах, в Котельниче, где угрюмая река пахла снегами и над ней висела рыжая луна, мой сосед, профессор химии, рассказал необыкновенную историю,

как Преображенскому надоело открывать северные богатства.

Профессор сидел в темноте с закрытыми глазами. Луна освещала его редкие желтые волосы и пухлые руки.

— Дело в том, — промолвил он сонно, — дело, собственно, в том, что соль на Верхней Каме — так называемую пермянку — начали добывать еще во времена Ивана Грозного. Местность эта издревле гремела солью. Там и названия соленые — Соликамск, Усолье, Сысольск. Весь тот край отдали во владение купцам Строгановым, — между прочим, прекрасный пример феодализма, прямо просится в хрестоматию. Соль варили в бревенчатых варницах и везли обозами во все углы Московского государства. Это дело давнишнее. А вот недавно профессор Преображенский был послан в Соликамск обследовать тамошние соляные месторождения...

Результаты получились неслыханные. Вот, смотрите, — химик провел пальцем по окну прямую ли-

нию, — это поверхность земли. В ста пятидесяти метрах от поверхности, вот здесь, Преображенский нашел поваренную соль, под ней — калий, — химик дернул меня за руку, — под ним магний, а под магнием опять поваренную соль и каменный уголь. Толщина пласта пятьсот метров!

Химик перечеркнул окно от черты до самого низу и вытер палец о старые черные брюки.

— Так были открыты величайшие в мире залежи калия.

Утром мы помчались по головокружительному мосту над Камой, увидели белую Пермь, черные боры, похожие на кремлевские стены, Мотовилихинский завод, осеннее солнце, густые тени, первые волны Уральских гор. Рассказывать было некогда. Химик не отходил от окна. Казалось, он на всю жизнь хотел запомнить леса, где последняя листва, кора и мох походили на слитки железной руды.

Только в черной до середины Чусовской, где Урал заволок нас ки-

зеловским дымом, густым и сладким от серы, химик окончил прерванный рассказ:

— Вы спрашиваете, как могло Преображенскому надоесть это дело? Очень просто. Надо было выяснить площадь залегания калия. Преображенский пошел к югу. Он начал закладывать скважины через каждые пять километров — и все то же, только пласт становился чем дальше, тем толще. Тогда Преображенский решил делать скважины через десять километров — все то же. А время — и немалое время — идет. Преображенский делает скачок в двадцать пять километров до Березников, — пласт еще богаче! Как вы думаете, — химик засмеялся, — можно прийти в ярость? Преображенскому надоело рыть землю каждые двадцать пять километров. Он сделал прыжок на пятьдесят километров к югу, к Чусовским Городкам, и... — химик, не торопясь, закурил, — наткнулся на уральскую нефть!

— Доехали, — сказал профессор, и ветер ударил в его заспанное лицо холодком редкого снега. — Смотрите, что творится. Два года назад здесь еще взрывали средневековые солеварницы графов Строгановых.

Станция Усольская, курившаяся, как пожарище, вонью махорки, приняла нас в свое расшатанное нутро. Профессор слишком бегло рассказал историю Камских соляных месторождений. После Строгановых, в конце девятнадцатого века, этой солью заинтересовался мировой монополист содового производства бельгиец Сольве. Он решил прибрать камскую соль к рукам. Прикрываясь именем русского промышленника Любимова, Сольве выстроил в Березниках первый содовый завод. Сейчас этот завод смущенно дышит на краю исполинской площади Березниковского комбината.

Все дальнейшее походило на неправдоподобный рассказ. Если разъять его на составные части, то получится следующее.

Дряхлый возница долго волочил нас в плетеной таратайке по ухабистой дороге. Дорога упиралась в разлив жгучих огней, казавшихся зелеными от снега и рассвета. Возница говорил с нами на языке времен завоевания Сибири.

Ночь гудела сдержаным гомоном людей. Черные толпы в треухах валили из полярной тьмы по тропам, по доскам, по широким дорогам, по кучам гравия и шлака к Березниковскому комбинату. Это шли рабочие из окрестных деревень — Дедюхина, Ленвы, Чуртана, Яйвы, Веретья, Зырянки.

Возница бормотал, что тысячи рабочих едут еще из-за Камы, из Усолья на перевозах и лодках, а Кама вот-вот станет. Вторую неделю идет шуга, — идет и идет, шут ее знает. Когда Кама застынет, рабочие все равно будут идти на стройку, не идти никак невозможно, об этом даже мысли быть не может. (Возница захихикал в ответ на наши сомнения, приняв нас, очевидно, за круглых дураков.) Как

едут? Подкладывают доски и ползут по ним, а то пробают в тонком льду канал и кое-как догребают на лодках.

Но это — не все составные части рассказа. Мы увидели океанский корабль, превышавший «Аквитанию». Он застрял на суше. Ветер пел в вышине, в стальных тросах, державших три громадных трубы. Рабочие на палубе клепали болты. Корабль тяжело гудел и сотрясался. Казалось, он только что отдал якорь после ночного шторма.

В свете его фонарей трусила наша лошаденка, равнодушно помаргивая ушами.

Кораблем была ТЭЦ — теплоэлектроцентраль Березниковского комбината, величайшая в Европе станция высокого давления.

Около ТЭЦ полосы света падали на громадные ящики, сколоченные из гладкой сосны.

Я читал черные надписи: Бабкок-Вилькокс, Ганномаг, Сименс-Шуккерт, Броун-Боверн, Павер Газ, Рейнкабель, Борзиг, — промышлен-

ники всего мира сложили в пустошах Северного Урала великолепные технические богатства.

— Разве издали можно понять, что значит индустриализация или овладение передовой западной техникой? Никогда! — убежденно сказал профессор. — Это надо видеть, надо болеть от масштабов и контрастов. Только тогда вы поймете, что происходит в СССР.

ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ КУЛАК

Газеты любят выражение: «На базе такого-то сырья возникло такое-то предприятие». Что такое база? Вот это счастливое сочетание природных богатств, как бы нарочно собранных в кулак и напластованных на одном месте. На базе соли, калия, каменного угля и Ка-мы возник Березниковский комбинат.

Комбинат начали строить в 1929 году. Приехали неспокойные люди. Пермяки скребли затылки, —

шут их знает, этих приезжих, им всего мало. Им оказалось мало мировых залежей калия, мало угля, мало Камы и лесов. Они искали еще чего-то, тревожили суровые леса, нюхали и ковыряли землю. Действия их смущали пермских людей, считавших, что всякое крепкое дело покоится на неторопливости и продолжительном размышлении.

С каждым днем я узнавал, что «база» Березниковского комбината становится богаче. Возможности росли, как полая вода. Становилось ясно, что первая и даже вторая очереди комбината не исчерпают этих возможностей, не возьмут из тощей на вид пермской земли всех ее богатств. Уже вырисовывались исполинские контуры будущей «химической республики», мирового центра калийной промышленности.

В здешнем обществе краеведов пылится множество докладов, написанных то карандашом, то бледными чернилами. Доклады повест-

вуют о «недрах Березниковского района».

Я приведу выдержку из одного доклада.

«Совсем мало исследованы берега реки Глухой Вильвы и верховья реки Яйвы вблизи Березников. Пока мы знаем, что около села Палом есть выходы свинцовых руд. В прежнее время местные охотники приготавляли из них пули и дробь. Возможно, что и сейчас это имеет место.

Если эти руды поддавались кустарной обработке, то они несомненно богаты.

Кроме того, на берегах этих рек есть выходы гипса. Большинство соликамских церквей отштукатурено алебастром, изготовленным кустарным способом из этого гипса.

Еще в старое время было сделано до пятнадцати заявок на каменный уголь по Пермскому лесничеству, но до сих пор никто не заинтересовался этим, хотя выходы угля находят и сейчас.

Есть основания говорить о на-

личий золота и платины. До революции скупщики золота и платины часто посещали этот район и, наверно, не зря. В лесах находят старые вашгерды.

Таким образом, налицо исключительное богатство района».

В качестве сырья Березниковский комбинат в первую очередь будет пользоваться кизеловским коксом, соликамским калием, найденным в самих Березниках (для его добычи строится рудник на полтора миллиона тонн), серным колчеданом и известняком.

Все остальные богатства пойдут в переработку во вторую очередь.

Комбинат будет изготавливать ценнейшие химические продукты (химикалии): аммиак, азотную и серную кислоту, соду, едкий натр, сульфат аммония и сложные и сильные удобрения...

Первая очередь комбината — десять химических заводов, ТЭЦ, самая мощная в СССР водонасосная

станция и механический завод для собственных нужд.

Первая очередь даст химических продуктов и удобрений на сорок пять миллионов рублей в год.

Когда я узнал о богатствах Березников, эта скучая земля предстала передо мной в ином виде. Туманная ее угрюмость приобрела особую величавость. Комбинат был прекрасен заложенной в него идеей непрерывного процесса, строгим равновесием отдельных частей, продуманностью лабиринта труб.

ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРИ
МИЛЛИОНА
ВЕДЕР ВОДЫ

Из Свердловска пришла срочная телеграмма: сообщить биографию слесаря водонасосной станции № 3 Николая Вотинова.

В постройке никто биографию Вотинова не знал, — не то он уселец, не то из Перми, толки были разные. Вотинова позвали в по-

стройком, и на обороте одной из бесчисленных статистических сводок очень бледным карандашом он скромно написал: «Я сын рабочего. Отец работал на сталеваренном заводе сорок лет. Помер он в 1921 году. Ввиду тяжелого материального положения семьи меня мальчишкой с двенадцати лет отдали на завод в слесаря. Образование мое сельское. Член ВКП».

В автобиографии не было ни слова о том, как Вотинов спас водонасосную № 3. Спасти маленькую водокачку и спасти величайшую в Союзе водонасосную станцию — по существу одно и то же. Но все же следует описать то, что спас Вотинов.

На берегу Камы устроен водоприемник глубиной в двадцать два метра. Он делится, как трюм океанского корабля, на восемь отсеков, отрезанных один от другого глухими бетонными стенами. В каждом отсеке на уровне речного дна пробиты окна. В них вливаются рыжие потоки камской воды.

Глухие отсеки нужны, чтобы мощное давление Камы не перекосило здание. Возьмите спичечную коробку и сожмите ее между пальцами, — она перекосится и лопнет. Но вставьте в нее несколько поперечных дощечек-упоров, и сопротивляемость коробки увеличится. На этом принципе построены и отсеки. Кама давит на стенки водоприемника с силой четырехсот тонн.

На станции девятнадцать насосов. Все вместе они должны качать тридцать две тысячи кубических метров воды в час, или восемьдесят три миллиона ведер воды в сутки. Химические заводы требуют океанов воды.

Один досужий березниковский инженер вычислил, что если бы не было станции, то комбинату понадобилось бы двести двадцать пять тысяч водовозных кляч, чтобы снабдить себя водой.

Со станции вода пойдет на комбинат пятью мощными потоками по трубам диаметром в сто двадцать

сантиметров. Особые пожарные насосы будут качать воду под давлением в одиннадцать атмосфер. Струя из пожарного насоса бьет в вышину на сто пятнадцать метров и убивает человека наповал.

Станция стоит на берегу Камы. Против натиска Камы выставлена броня — ледоломы, каменный берег и толстые стены. В земле толщина стен доходит до трех метров. Такую крепость Каме, конечно, не размыть.

Над отсеками устроены столовая и клуб. Под полом будут клокотать глубокие воды Камы. Из окон клуба видны закамские леса, седые от снежного дыма, и древние гостиные дворы Усолья.

Эту станцию и спас Вотинов. Сухой рапорт об этом говорит так:

«В марте 1932 года в котлован водоприемника станции № 3 проникла вода из Камы. Она начала затапливать колодцы, потом пробила пол и хлынула в машинный зал. В это время испортились насосы, откачивающие воду. Катастрофа

приближалась стремительно и казалась неизбежной. Котлован начало размывать.

На аварийный участок перебросили лучшую бригаду из двадцати шести слесарей во главе с Вотиновым. Было необходимо немедленно и во что бы то ни стало исправить насосы на ходу.

С Урала шел буран. Бригада работала двое суток по колено в воде и не отдыхала ни одной минуты. Она ушла лишь после того, как насосы начали работать с точностью часов».

Вотинов был награжден орденом Ленина.

Репортер местной газеты «Ударник» первый рассказал мне о Вотинове. Репортер был простой и славный юноша, но любил пышные сравнения и носил пестрые, до рези в глазах, вязаные шарфы. Рассказывая, он воскликнул:

— Это напоминает мне историю Архимеда!

Сравнение показалось мне диким. Но потом я понял, что оно не было

плохим. Я вспомнил французскую революцию, когда якобинцы гремели речами о доблести древних римлян и призывали патриотов следовать их примеру.

Гражданское мужество римлян было любимой темой уличных ораторов. Имена братьев Гракхов знал каждый санкюлот. Вот почему репортер вспомнил о великом римском математике, убитом солдатами.

Репортер рассказывал мне об этом на станции. Внизу, у насосов, стоял Вотинов. Я видел его замасленную спину и льняные волосы, выбившиеся из-под кепки.

— Расспросим его самого, — предложил репортер.

Я отказался. Я прекрасно знал, что Вотинов посмотрит на нас, как на докучливых бездельников, пристающих к человеку с пустяками. Он был занят. Кроме того, он не хотел говорить о спасении станции, вовсе не считая это геройством.

«Не я один, все ребята работали», — только этот ответ мы бы от

него и услышали. Недаром в своей автобиографии он ни словом не упомянул о мартовском событии.

КОМСОМОЛЬЦЫ И ГЕОЛОГИ

В 1635 году в лесных дебрях на Верхней Каме, вблизи нынешних Березников, был построен Пыскорский медеплавильный завод.

Летом 1931 года несколько комсомольцев-следопытов из города Усолья нашли в тайге развалины этого завода. Кирпич, поднятый с земли, рассыпался красною пылью, горы шлака заросли малиной, а в ямах в непролазном кустарнике пели зяблики. Похождения этих комсомольцев заслуживают целых книг.

Комсомольцы сколотили кружок по изучению производственных сил всего Верхнекамского края, где в крепкий кулак собраны залежи угля, камня, соли, гипса, медистого песчаника и алебастра.

Действовали комсомольцы так: сначала рылись в архивах, изучали

старые изорванные карты и планы, где Чердынь называлась Пермью Великой, а Соликамск — Солями Камскими, потом расспрашивали старожилов. Кажется, впервые в истории старожилы, которым, как и очевидцам, принято не верить, получили внимательных и благодарных слушателей.

Комсомольцы бродили по тайге все лето. Стояла жара и засуха, молочный дым лесных гарей наносило с севера за сотни километров, а солнце горело в дыму, как остывающий чугунный шар. Пахло хвойей, сухими болотами, гниющей перезрелой малиной.

Комсомольцы прошли шестьсот пятьдесят километров пешком. Других способов передвижения не было, да если бы они и были, то все равно на них не хватило бы денег. Каждый тащил на себе запас продовольствия на две недели. Бывали случаи, когда комсомольцы по целым неделям не встречали людей. Руководил всей группой молодой

партиец Коновалов, заведующий Усольским музеем.

Комсомольцы обошли все районы, где, по слухам, были залежи медистых песчаников, и принесли образцы песчаников из всех обследованных месторождений. Их подвергли анализу в лабораториях Березниковского комбината, и оказалось, что из двенадцати образцов восемь прекрасного качества.

Утомительное и опасное скитание по лесам прошло не даром. Но на этом комсомольцы не успокоились. Они подняли вокруг песчаников законный шум. При райисполкоме была создана комиссия по разработке залежей. В эту комиссию включили Коновалова.

Лаборатория Березниковского комбината нашла способ извлекать из песчаников чистую медь. Около села Выжая добыли первые пятьдесят тонн песчаников и доставили в Березники.

Старый профессор, консультант комбината, привыкший выражаться

со старинной любезностью, вызвал Коновалова и сказал ему:

— Молодой человек, я вас сейчас очарую. Мы нашли возможность извлекать из медистого песчаника при помощи обработки его аммиаком медь и изготавлять так называемый медно-аммиачный шелк — металлическую материю.

Профессор закатил от удовольствия глаза и пронзительно засмеялся.

Коновалов вздохнул. Самые тайные его мысли вдруг приобрели ощутимую реальность. Он пожаловался профессору, что на изыскания в будущем году следопытам не дают ни копейки.

— Во сколько вам обошлась экспедиция? — спросил профессор.

— Около шестисот рублей.

— А вы знаете, сколько стоил один только анализ ваших образцов? Не знаете? Полторы тысячи рублей, милый мой юноша. Полторы тысячи рублей! И это мы считаем, извините за резкость, плевком в сравнении с ценностью ваших от-

крытий. Да знают ли они, — профессор всыпил и начал кричать дребезжащим голосом, — знают ли они, что геологическая экспедиция такого масштаба обошлась бы в двадцать тысяч рублей, в тридцать пять раз дороже вашей?

Но не один только медистый песчаник нашли комсомольцы. Кто-то из них слыхал, что в лесах к северу от Соликамска есть залежи алебастра. Двинулись туда. Заблудились в тайге, но помог знаменитый тамошний охотник-медвежатник, знающий тайгу, как лоцманы знают бурные и малоизвестные моря.

В лесах комсомольцы нашли залежи чистейшего, тончайшего алебастра.

— Девяносто шесть процентов чистого сернистого кальция, — говорил потом всюду Коновалов и вынимал из кармана ослепительно белые осколки.

Геологи «Союзкалия» хмурились. Нелепая гордость специалистов мешала им радоваться новому откры-

тию «коноваловских ребят». Перед комсомольской экспедицией геологи утверждали, что алебастра в тайге, по всем геологическим данным, быть не должно.

Попутно следопыты обследовали богатые пласти известняков на Яйве. Березниковскому комбинату при работе на полную мощность понадобится три миллиона тонн этого известняка.

Эту историю о комсомольских следопытках я узнал на Севере. Север, пропитанный острым запахом лесов, замыкается сейчас в резкие границы электрических огней. Эпоха стали, воли и уверенной смелости, эпоха социализма врезается в океан лесов и высыпает вперед отряды разведчиков — комсомольцев.

